

И. В. Иванская

ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

Работа представлена кафедрой философии и культурологии Республиканского гуманитарного института при Санкт-Петербургском государственном университете.

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор В. А. Щученко

В статье обращается внимание на то, что именно в эпоху преобразований была заложена основа долгих и плодотворных культурных контактов между Россией и Францией. Центральное место в работе отводится причинам появления и распространения французской культуры в рус-

ском обществе периода реформ. Интерес к французской культуре в петровское время был обусловлен не только теми практическими и образовательными задачами, который ставил Петр I, но и некоторыми особенностями, «привлекательными сторонами» культуры Франции. Автор подробно исследует эти особенности в своей статье.

In the article attention is paid to the fact that in the epoch of transformations of Peter I there was laid a foundation of long and fruitful cultural contacts between Russia and France. The central place in the article is allocated to revealing of the reasons of distribution of French culture in Russian society in the Peter's reforms period. Interest to the French culture during Peter time has been caused not only by those practical and educational tasks which were put by Peter I, but also some features, «the attractive sides» cultures of France. The author in detail investigates these features in her article.

Франция занимает особое место в ряду западноевропейских стран, с которыми Россию издавна связывают прочные культурные узы. На протяжении двух веков французский язык являлся языком русского высшего общества, определяя приоритетный статус французского влияния на отечественную культурную среду (французская мода и манера поведения считались эталонами; идеи просветителей, лучшие образцы художественной литературы, живописи, музыки, появляясь в России, вызывали неподдельный и живой интерес в разных слоях общества). Основа долгих и плодотворных контактов, как известно, была заложена именно в эпоху Петра I, когда русское общество становится более открытым для западного влияния, заинтересованно откликаясь на новые веяния, «перерабатывая» их в соответствии со своими потребностями.

Следует отметить, что французское культурное влияние в допетровские времена было незначительным и касалось в основном четырех областей.

Это, во-первых, декоративно-прикладное искусство, религиозная утварь, храмовая архитектура (XI–XIII вв.). Значительный приток художественной утвари с Запада (и в частности, из Франции) в Россию в XII в. связан с расцветом и развитием городов как центров ремесла и торговли. Идеи и образы христианства, культурного стержня европейского средневекового сообщества, воплощались в предметы церковной утвари и декор соборов. В разработке резного убранства Димитровского собора в Суздале, по мнению исследователя В. П. Даркевича¹,

принимали участие мастера из западной части центральной Франции (школа Пуату). Начиная со второй половины XII в., можно говорить о распространении романского стиля в архитектуре. Владимирско-суздальские резчики по камню и строители пользовались альбомом французского архитектора Виллара де Оннекура (около 1225 г.). О несомненном влиянии романского стиля во владими́ро-суздальской архитектуре писал и П. Н. Милюков².

Во-вторых, заимствования в области литературы (французские рыцарские повести), относящиеся к XVII в. Они появились в России первоначально в польском, украинском и сербском вариантах после присоединения Украины. Речь идет о популярных впоследствии народных сказаниях о «Бовекоролевиче», а также о повестях «Об Оттоне, королеве Олунде, Далоберте, короле французском», «О Петре Златые Ключи». Образы героев повестей – средневековых рыцарей – постепенно под влиянием русской традиции приобретают черты русских богатырей.

В-третьих, влияние картезианства на взгляды преподавателей Киево-Могилянской академии. Деятельность Киево-Могилянской академии в XVII в. сыграла важную роль в духовном преображении русского общества, в подготовке его интеллектуальной элиты, готовой к восприятию научных и философских идей, идущих с Запада. В трудах профессоров академии И. Гизеля, Ф. Прокоповича, Г. Конисского можно заметить влияние картезианских идей (например, определение материи как субстанции,

обладавшей геометрически измеряемой протяженностью, постигаемой посредством разума; определение бога как первопричины движения материи; также идея корпускулярного строения материи, идея бесконечного деления материи).

В-четвертых, область человеческих (случайных) контактов между носителями обеих культур с первыми сравнительно-оценочными суждениями, преимущественно – субъективными, но с элементами объективного анализа. Эти контакты были спорадическими. Они охватывали как отдельных людей, так и небольшие группы: дипломатов, послов, переводчиков, купцов и путешественников, но были порой гораздо действительнее в плане познания одной культуры другой.

Внимание к французской культуре в петровские времена (как и интерес к культуре других европейских государств) было обусловлено теми практическими и образовательными задачами, который ставил перед собой Петр I, являясь ярким выразителем вехней эпохи (развитие промышленной, научно-технической, военной базы страны, подготовка специалистов). Однако если в Голландии и Англии Петра I привлекало развитое судостроение и сильный флот, то во Франции, обладавшей также сильной армией, флотом, развитой судостроительной отраслью, которая при Ж.-Б. Кольбере достигла значительного успеха, его интересовала более «сфера идей». Эта «сфера» включала в себя: в политико-правовой области – взаимоотношение монарха и остального общества, основанное на соблюдении законов и прав личности; в области экономической – политику меркантилизма, т. е. политику поощрения развития промышленности (мануфактурное производство, в том числе и для нужд королевского двора) и торговли; в области научной и образовательной – развитие естественных наук, их практическое применение и влияние на прогресс общества; в философии и искусстве – прославление мощи государства и правителя, художественное и философское осмысление идей абсолютизма; нако-

нец, в области культурно-бытовой – светский этикет, умение вести себя в обществе. Возникшая на стыке римской и германской цивилизаций и впитавшая в себя все их достижения, французская культура в эпоху Людовика XIV с ее многогранностью, рационализмом, с установкой на порядок, на признание роли разума и влиянием картезианских идей стала наиболее полным выражением европейской культуры Нового времени. Универсальный характер французской философии, где человек и его разум как некая абстракция, без конкретно-личностного и национального подхода, способствовал проникновению французских идей в другие европейские страны. Это отмечал литературовед и искусствовед Гюстав Лансон: «Французский ум имел дело только с идеальным человеком, с определением человека, но этот человек “в самом себе” не был французом более, чем немцем, он был европейцем, он был повсюду, где были люди и все истины, познававшиеся разумом человека»³. С другой стороны, утонченная светская манера поведения, свойственная французам, легкость, непринужденность в беседе, их общительность импонировала европейским придворным кругам. «Француз любит находиться в обществе по природному своему инстинкту»⁴, – писал психолог и искусствовед Ипполит Тен. Франция подарила Европе некую модель общения в светском обществе. «Аристократическое образование одно и то же у всех цивилизованных народов, и это образование было французским. Королевские армии побаивались пруссаков, этот пруссак говорил по-французски и более походил на француза, чем на того гренадера, который умирал за него»⁵, – отмечал Гюстав Лансон в «Истории французской литературы». Один из блестящих дворов Германии, саксонский, содержал в 1716 г. французский хор и балет. Историк Эрнест Лависс говорит о его поистине «парижской» роскоши. (En Saxe Jean George II deployait un tel lux «a la parisienne», que le pays, deja bien appauvri avant son avènement, etait reunie en 1660»⁶.) При дворе прусского короля да-

вались французские комедии. Даже в Англии, сопернице Франции царил французский язык и этикет. Русский дипломат Б. И. Куракин, будучи принят английской королевой Анной 14 февраля 1711 г. писал об этом в своих записках: «Сегодня, ввечеру был на аудиенции у ея королевского величества. А какову речь говорил по-французски»⁷.

Итак, французская культура в эпоху Людовика XIV «расцвела в условиях сильной централизованной государственности, социального господства дворян и экономически уже достаточно крепкой буржуазии»⁸. Идея управляющего центра – основа французского абсолютизма была созвучна устремлениям Петра I, видевшего себя во главе процесса преобразований, в котором «рационализм и сопряженная с ним идея регламентирующего порядка»⁹ сочетались с идеей монарха как «абсолютного перво-двигателя общественных процессов»¹⁰. Датский дипломат Юст Юль вспоминал, что «нередко, когда в откровенной беседе заходила у нас речь об удаче и подвигах великих государей, царь отдавал справедливость многим правителям и государям, в особенности королю французскому»¹¹. Даже сохранившееся в бумагах царя и датированное 1717 г. сообщение обер-прокурора из Лотарингии «о предсказании пророка Нострадамуса о царствовании Петра I и Людовика XIV»¹² свидетельствует о явном интересе к личности французского короля и указывает на некоторую аналогию в деятельности двух великих монархов. Однако, как заметил французский исследователь Роже Порталь, «понятие королевского достоинства, которое было важно для таких государей, как Людовик XIV, современник Петра I, утрачивало у последнего личностный аспект. Петр Великий не был тщеславен. Величие монарха связывалась для него с могуществом государства и с интересом народа, русского народа» (перевод автора). (La notion de gloire royale qui est au centre des preoccupations d'un souverain tel que Louis XIV, contemporain de Pierre le Grand, perd chez ce dernier son aspect personnel. Pierre le Grand n'est pas un orgueilleux. La

grandeur du roi se confond pour lui avec la puissance de l'Etat et deja avec l'interet du peuple, la nation russe»¹³.) Влияние абсолютизма на жизнь французского общества приводила к видимым результатам, которые Петр не мог не заметить. Французский поверенный в делах Швеции де Бозенваль в письме к русскому императору от апреля 1722 г. писал: «...я осмелюсь заметить Вашему Величеству, что из всех европейских держав одна только Франция обладает такими качествами, которых Ваше Величество можете желать найти в своем верном союзнике. Форма правления позволяет ее государю быстрые решения, его могущество дает ему средства безотлагательно исполнять их, мужество и искусство в промышленности его подданных доставляют ему источники неисчерпаемые»¹⁴. Насколько был важен для русского царя опыт французского абсолютизма, подтверждает ряд фактов: например, посылка во Францию в 1701 г. агента Петра Васильевича Постникова, в 1705 г. русского посла в Голландии Андрея Артамоновича Матвеева для изучения жизни французского общества, поездка самого Петра в Париж и, наконец, перевод трудов деятелей французского абсолютизма (Ришелье, Мазарини).

В своих записках¹⁵ А. А. Матвеев особое внимание уделяет: 1) политико-правовым аспектам жизни государства, а именно взаимоотношениям короля и его подданных в соответствии с законодательством; 2) четкому определению обязанностей каждого чиновника; 3) организации армии и флота (звания, устав); 4) образованию, постижению различных наук; 5) архитектуре и «живописным художествам»; 6) светским развлечениям. Он подробно описывает ассамблеи и балы во Франции. Матвеев не раз отмечал свободное поведение французов в обществе. «Ни самой женский пол Франции никакова зазору отнюдь не имеет во всех честных общается поведеньях с мужским полом, как бы самыя мужи со всяким сладким и человеколюбным приемством и учтивостью»¹⁶. Столь детальное описание всех сторон королевского

быта, акценты на определенных областях деятельности государства наводят на мысль, что все это было сделано русским дипломатом не без умысла и имело целью представить Петру пример, достойный хотя бы некоторого подражания¹⁷.

Василий Никитич Татищев в работе «Разговор о пользе наук и училищ» подчеркивал: «Франция есть государство самовластное, более нежели Италия, Гишпания, Германия и Польша. Властью государя правиться, однакож к расширению наук не токмо не препятствует, но паче любомудрием государей и прилежностью подданных от часу науки умножаются и процветают»¹⁸. Отношение к Франции, как к примеру для подражания, характерно для многих петровских сподвижников и особенно для тех, кто посетил эту страну и познакомился с ее людьми и культурой. В этом отношении интересно письмо Конана Зотова от 11 января 1717 г. Алексею Васильевичу Макарову, кабинет-секретарю Адмиралтейств-коллегии. В нем Зотов оправдывался перед царем за свое своеволие – Разговоры с маршалом д'Эстре о женитьбе царевича Алексея Петровича на одной из дочерей герцога Орлеанского. Конон Зотов уверял, что старался ради блага отечества, причем приводил весьма интересные доводы в защиту женитьбы, «ибо надобно было дати причины того желания, яко суть: 1) что придворные такой принцессы могли бы ввести у нас в обычаи учтливое обхождение; 2) чтоб государь чрез нея все науки мог привести в Россию»¹⁹. Этот отрывок наглядно показывает нам, что благо государства становится важнейшей ценностью петровского времени, мерилom поступков и взглядов русского человека начала XVIII в. Причем важным для блага отечества становятся изучение наук и правил поведения, в чем Франция является, по мнению К. Н. Зотова, образцом. В 1709 г. в России появился перевод книги кардинала Джулио Мазарини «Краткая книжица политичных обходительных поступков», в 1725 г. было переведено «Политическое завещание» кардинала Ришелье. Французский экземпляр книги

«завещание Ж.-Б. Кольбера» хранился в частной библиотеке А. П. Ганнибала. Прямым следствием посещения в 1717 г. Петром I Франции стало появление в России французских архитекторов, скульпторов, художников и «целой армии мастеров» (60 чел.) во главе с Ж.-Б. Леблоном, Н. Пино, Ф. Пильманом, Л. Караваком²⁰. С пребыванием Петра I во Франции было связано и развитие русско-французских научных связей, и создание в 1724 г. Академии наук. Плодом серьезной внутренней работы, размышлений и наблюдений, сделанных русским царем во Франции, стала его фраза: «Добро перенимать у французов художества и науки, сие желал бы я видеть у себя»²¹. Результатами изучения французского опыта стали: появление российского морского устава, основание шпалерной мануфактуры в 1717 г. в Петербурге, военно-инженерное строительство с использованием учебных пособий маршала Франции Вобана, инженера Блонделя и при участии французских специалистов в Кроншлоте, Риге, Ревеле, Рогервике, Азове (Жозеф Гаспер Ламбер де Гэрен, ученик маршала Вобана, участвовал в разработке плана крепости на Заячьем острове и был награжден орденом Святого Андрея Первозванного). Наконец, следует сказать, что ассамблеи на французский манер, как новый вид общения, сыграли огромную роль в процессе культурного сближения как различных народов, живущих в Петербурге, так и разных слоев общества. Они также немало способствовали появлению новых поведенческих типов – «молодых людей петровского времени». «Людскость» и «политес», как говорили тогда, стали входить в жизнь русского общества.

Итак, Петр I обращаясь к французской культуре, к французской государственности, ставил перед собой следующие задачи: 1) политические – укрепление политико-правовой базы абсолютизма; 2) образовательные – обучение различным наукам, ремеслам, видам искусства, выращивание отечественных специалистов; 3) воспитательные – обучение манерам, поведению в обществе, умению одеваться, вести светские

беседы, т. е. привитие культуры общения. Естественно, все эти задачи были связаны между собой конечной целью – созданием

нового сильного государства и нового человека, прежде всего гражданина и патриота своей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Даркевич В. П. Культурные связи Древней Руси и Западной Европы в X–XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1964. С. 20.

² Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М.: Прогресс-культура, 1994. Т. 2. Ч. 2. С. 11.

³ Лансон Г. История французской литературы. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1898. Т. II. С. 12.

⁴ Тен И. Происхождение общественного строя современной Франции. СПб.: Изд. М. В. Пирожникова, 1907. Т. 1. С. 175.

⁵ Лансон Г. Указ. соч. С. 11.

⁶ Lavisse E. Histoire general du IV siecle a nos jours. Paris: Librairie A. Colin, 1922. Т. VI. P. 584.

⁷ Архив князя Ф. А. Куракина. Саратов: Тип. С. П. Яковлева, 1893. Кн. 4. С. 24.

⁸ Жанэ Д. К. Французский язык в России XVIII в. как общественное явление // Вестник МГУ, 1978. № 1. С. 175.

⁹ Щученко В. А. История философии в контексте культуры (французская философская культура в XVII в.): Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Л., 1991. С. 20.

¹⁰ Щученко В. А. Указ. соч. С. 20–21.

¹¹ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М.: Унив. тип., 1900. С. 209–210.

¹² РГАДА Ф. 9 кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 34. Л. 220–221.

¹³ Roger Portal Pierre le Grand. Bruxelles: Ed. Complexe, 1990. P. 37.

¹⁴ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. импер. Акад. наук, 1881. Т. 34. С. 219.

¹⁵ Русский дипломат во Франции. Записки Андрея Матвеева. Л.: Наука, 1972. С. 296.

¹⁶ Там же. С. 197.

¹⁷ Люблинская А. Д. Шаркова И. С. А. А. Матвеев и его труд // Русский дипломат во Франции. Записки Андрея Матвеева. Л., 1972. С. 21.

¹⁸ Татищев В. Н. Разговор о пользе науки и училищ. М.: Тип. М. Каткова, 1887. С. 122.

¹⁹ Пекарский П. П. Наука и литература в России в эпоху Петра I. СПб.: Общ. польза, 1862. Т. 1. С. 160.

²⁰ РГАДА Ф. 9 кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 32. Л. 867, 870, 871; Кн. 34. Л. 386.

²¹ Петр Великий. Воспоминания. Дневники. Париж–Москва–Нью-Йорк: Третья волна, 1993. С. 311.